

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ

На правах рукописи

КОНСТАНТИН ИВАНОВИЧ
ЛОГАЧЁВ

ПЕРВЫЙ ЭТАП РАЗВИТИЯ СОВЕТСКОГО СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ
/славистические учреждения Академии наук в 1917-1934 гг./

Специальность 07.00.03 - всеобщая история

Автореферат диссертации на соискание
ученой степени кандидата исторических наук

МОСКВА

1979

Работа выполнена в Институте славяноведения и балканистики
Академии наук СССР

Научный руководитель – доктор исторических наук В.А.Дьяков

Официальные оппоненты –

доктор исторических наук профессор А.С.Бейлис

доктор филологических наук профессор Н.И.Толстой

Ведущая организация –

Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова

Защита состоится "... " 1980 г. в "... " час. на заседании

специализированного совета по защите докторских диссертаций

Д 002.97.02 Института славяноведения и балканистики Академии
наук СССР /Москва, Ленинградский пр. 7/

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института славя-
новедения и балканистики Академии наук СССР /Москва, Трубни-
ковский пер. 30-а/

Автореферат разослан "... " 1980 г.

Ученый секретарь специализированного совета

доктор исторических наук Е.П.Наумов

Изучение собственной истории является необходимой и чрезвычайно важной составной частью каждой отрасли знания, особенно на современном этапе, когда наука приобрела огромное значение в развитии человеческого общества. Славяноведение как комплекс научных дисциплин, включающий главным образом славянское языкознание, историю славянских литератур, историю славянских стран и историю славянской культуры, сложилось на рубеже XVIII и XIX столетий. Истории отечественной славистики дореволюционного периода посвящено довольно значительное число исследований, итоги которых обобщены в недавно вышедшем библиографическом словаре "Славяноведение в дореволюционной России"^{1/}. Что касается истории советской славистики, то ее изучение лишь начинает разворачиваться, причем менее всего освещенным оставалось до сих пор первое послереволюционное десятилетие^{2/}.

Ни монографических исследований, ни специальных статей, посвященных советским славистическим исследованиям в период, охватывающий 1917-1934 гг., в литературе не имеется. Советскому славяноведению вообще посвящены работы И.М.Белявской, С.Б.Бернштейна, Н.С.Державина, П.А.Дмитриева о Н.А.Мещерском, В.И.Змыднева, Н.А.Кондрашова, В.Д.Королюка, А.И.Митряева, В.И.Пичеты с У.А.Шустером, А.С.Шофмана^{3/}. Работы эти носят обзорный характер. В них содержатся некоторые ценные сведения о первом этапе развития советской славистики, однако речь в данном случае может идти лишь о сведениях самых общих и, как правило, весьма общих. Что же касается оценок, содержащихся в этих работах, то они нередко требуют самой серьезной корректировки с точки зрения их существа и обоснованности историческими источниками. Между тем период 1917-1934 гг. сыграл настолько значительную роль в становлении советского славяноведения, что без глубокого его изучения трудно понять

ход дальнейшего развития нашей науки о славянстве все сегодняшние успехи.

После Октябрьской революции положение исторических и филологических наук в нашей стране изменилось коренным образом. Радикальной перестройке подверглись философская основа этих наук, проблематика исследований в них, структура их организационных форм. Проходил процесс перестройки исторических и филологических наук в крайне сложных условиях: в годы Первой мировой войны была свернута или затруднена деятельность старых учреждений, где работали историки и филологи, прервались международные научные связи; во время гражданской войны и последующей экономической разрухи сильно поредели научные кадры, сузилась издательская база.

Новые организационные основы исторических и филологических исследований создавались главным образом путем глубоких изменений структуры и программы старых учреждений, где разрабатывались проблемы истории и филологии, и старых высших учебных заведений, где готовили историков и филологов, с одновременным развертыванием новых научных учреждений, научных объединений, вузов и общественных организаций.

Первое послереволюционное двадцатилетие отмечено в нашей стране активной борьбой за внедрение марксизма в качестве единственной общеметодологической основы всех наук об обществе. В силу целого ряда объективных факторов этот процесс проходил не без определенных издержек. Так, в 1920-е - 1930-е гг. делались вульгарно-социологические попытки подменить историю обществоведением /в тогдашнем понимании этого слова/, доказать, будто марксистским может быть только такое литературоведение, которое все без исключения литературные явления трактует как явления, непосредственно отражающие классовую борьбу. Особо следует сказать о яфетологии, поскольку основатель "нового учения о языке" Н.Я.Марр утверждал, что без яфетической

теории "в своих научных изысканиях не может обойтись ни один археолог, ни один этнолог, ни один историк искусства, ни один словесник, литературовед"^{4/}. С точки зрения марксизма ряд основных положений афетической теории неправилен или спорен /что отмечали уже современники Н.Я.Марра/, однако было бы ошибочным не видеть, что афетидология имела и определенное положительное значение в борьбе со слишком далеко зашедшей дисциплинарной дифференциацией в исторических и филологических науках, с отсутствием взаимодействия между отдельными историческими и филологическими дисциплинами.

На первом этапе своего развития советское славяноведение находилось в очень сложном положении. Прежде всего, оно испытывало серьезные кадровые трудности. Далее, многие сомневались в какой-либо необходимости этой области знания для нового строя, поскольку старые научные и общественные "опоры" славистики - теория "культурных миров" и дореволюционные интерпретации идеи славянского единства и солидарности - были отвергнуты большинством советских историков и советской общественностью, а кроме того теория и практика дореволюционного отечественного славяноведения были далеко не безупречными и давали оснований для обвинения ведущих русских славяноведов в реакционности и шовинизме. Слависты, защищая в первые послереволюционные годы право своей науки на существование, стремились показать, что "в самом ближайшем будущем широкое знакомство, научное и практическое, со славянским миром станет одной из самых насущных и жизненных потребностей русского народа"^{5/}, однако и такой аргумент оказывая в те годы малодейственным, поскольку считалось, что в этом случае практические нужды могут быть удовлетворены страноведением. Наконец, сложность положения отечественной славистики в 1920-е - 1930-е гг. определялась тем, что в ней к этому времени не было достигнуто единства в понимании предмета и целей работы славяноведов. Многие из них еще с конца XIX в. разделяли концепцию И.В.Ягича, согласно которой понятие "славяноведение" приравнивалось к понятию

"славянская филология", однако наряду со сторонниками И.В.Ягича в этом вопросе были ученые, включавшие в понятие "славяноведение" как минимум "языкознание, ... словесность и... историю"^{6/}, протестовавшие против выпуска из русских университетов "узких славянских лингвистов без сколько-нибудь основательной подготовки в общем славяноведении"^{7/}, утверждавшие, что "славянокая филология относится к славянской истории как словесная... форма славянской культуры - к социальной и политической"^{8/}.

О сложности положения отечественной славистики в 1920-е - 1930-е гг. свидетельствует ряд публикаций этого времени, в которых описывались итоги развития исторических и филологических наук в советских научных учреждениях и высших учебных заведениях. В этих публикациях славяноведение как самостоятельная научная дисциплина представлена не была, о вышедших в нашей стране после революции работах, носивших славяноведческий характер, говорилось крайне мало. Однако из этого нельзя делать поспешных выводов о том, что славистика у нас в эти годы почти исчезла.

Факты свидетельствуют, что ряд видных отечественных ученых активно боролся за то, чтобы изучение славянства нашло для себя место в новых общественных условиях. Крупные специалисты настойчиво указывали, что отечественное славяноведение не должно отставать от славяноведения на Западе, где в связи с созданием независимых польского, чехословацкого и югославского государств поднялась "широкая славяноведческая волна"^{9/}. Славяноведческая проблематика в 1920-е - 1930-е гг. разрабатывалась в той или иной степени в университетах, в новых научных организациях типа Коммунистической Академии, в национальных организациях, созданных эмигрировавшими в СССР коммунистами из славянских стран или же славянскими меньшинствами Советского Союза, и, наконец, в академии наук.

Приведенные соображения и факты подтверждают бесспорную актуальность проблематики, связанной с историей изучения славянских стран

в первые десятилетия Советской власти, и доказывают обоснованность выбора для детальной разработки темы "Первый этап развития советского славяноведения". В диссертации рассматривается часть названной темы, а именно деятельность славянистических учреждений, существовавших в Академии наук. Хронологические рамки диссертации — 1917–1934 гг. — обосновываются тем, что хотя новый этап в развитии советской славистики начался несколько позднее даты, замыкающей эти рамки /а именно в конце 1930-х гг./, в 1935–1938 гг. в Академии наук славянистических подразделений не было. Основные задачи, которые поставил перед собой диссертант, заключались в том, чтобы детально изучить историю этих учреждений, оценить их место в истории отечественного славяноведения в целом, а также оценить значение в наши дни некоторых научных результатов, полученных сотрудниками этих учреждений. Из четырех хотя и взаимосвязанных, но тем не менее специфических аспектов истории славистики — истории организации исследовательской работы в этой отрасли знания, истории славяноведческой методологии и проблематики, истории славянистического образования и истории деятельности отдельных славистов — главное внимание в диссертации уделено первым двум.

Диссертация основана прежде всего на не введенных пока еще в научный оборот и не публиковавшихся документах, хранящихся в Ленинградском отделении Архива Академии наук СССР. И использованные документы включают протоколы заседаний славянистических учреждений Академии, их планы, программы и отчеты. Наряду с этим широко использовались хранящиеся там же документы руководящих органов Академии и ее Отделений. Были изучены все опубликованные работы, которые в 1917–1934 гг. готовились сотрудниками академических учреждений, занимавшихся славяноведением, по планам работы этих учреждений, а также учеными, которых эти учреждения привлекали к сотрудничеству.

Диссертация состоит из введения, четырех глав и заключения; к тексту диссертации приложен систематизированный перечень использо-

важных материалов.

Во введении дается обоснование выбора темы, излагается задача диссертации, дается краткая характеристика имеющейся литературы по теме и использованных источников. Содержание введения изложено на предшествующих страницах.

Глава I посвящена деятельности единственного в 1918-1921 гг. славистического подразделения Академии наук - Комиссии по научному изданию текстов кирилло-мефодиевской традиции. В конце 1917 г. славистику в системе Академии представляло Отделение русского языка и словесности и - в меньшей степени - академическая Библиотека. Но ни одно из научных подразделений, действовавших тогда в рамках этого Отделения, чисто славяноведческим считаться не может, а занимавшиеся славистикой ячейки в Библиотеке Академии преимущественно вели научно-вспомогательную работу. Однако в 1918 г. Академия получила свою первую собственно славяноведческую ячейку, присоединив к себе вышеназванную Комиссию. Эта Комиссия была создана незадолго до революции благодаря многолетним усилиям выдающегося отечественного слависта И.Е. Евсеева и вначале находилась в синодальном ведомстве. Обосновывая необходимость создания такой Комиссии, И.Е. Евсеев подчеркивал, что церковная администрация вплоть до самого последнего времени совершенно не заботилась о сохранении древнейших славянских переводов, санкционируя их бессистемное и неудачное редактирование и исправление, что официальная славянская Библия - плод деятельности "библейных архимандритов", не имеющих достаточной подготовки - "решительно не удовлетворяет" запросам тех, кто стремится серьезно изучать важнейшие памятники древнеславянской культуры^{10/}, и что лишь работая на строго научной основе можно установить первоначальный характер и уяснить последующую историю этих памятников.

Комиссия, фактически руководимая И.Е. Евсеевым, объединила четкое намеченным планом почти всех тогдашних отечественных славистов,

в той или иной степени занимавшихся кирилло-мефодиевской проблематикой. На своих заседаниях Комиссия рассматривала важнейшие теоретические положения кирилло-мефодиевской текстологии, вырабатывала принципы научного издания текстов кирилло-мефодиевской традиции, обсуждала вопросы, связанные с изучением отдельных древнеславянских рукописей. В рамках изучения истории кирилло-мефодиевской письменной традиции на всем протяжении последней, вплоть до новейшего времени, Комиссия подвергла глубоко обоснованной критике одну из последних модификаций текстов, восходящих к Кириллу и Мефодию - "онодалный" перевод Библии на русский язык, показав, что этот перевод /к которому до сих пор, за неимением лучшего, приходится обращаться в случае необходимости историкам, литературоведам, лингвистам, искусствоведам, этнографам/ оторван от древней славянской основы, совершенно неудовлетворителен с точки зрения языка, а с точки зрения отношения к оригиналу передает по существу механическое и научно несостоятельное смешение еврейского, греческого и славянского текстов. Комиссия также начала изучение социально-исторической обстановки на Балканах в XI в., детально рассмотрев вопрос о соотношении греческого и славянского элементов в одном из балканских подрегионов.

Одной из главных заслуг Комиссии является введение ею в славистику понятия о принципиальном различии между подготовительными изданиями текстов кирилло-мефодиевской традиции /например изданиями А.Х.Востокова, И.В.Ягича, Г.А.Воскресенского, А.В.Михайлова, представляющими собой собрания сырого или полусырого материала/ и научными изданиями этих текстов /то есть изданиями, которые могут основываться только на предварительном исследовании истории кирилло-мефодиевского письменного наследия/. И.Е.Евсеев доказал, что славистика уже не может удовлетворяться лишь подготовительными, "ремесленными" изданиями древнеславянских текстов. "Как Московский Исторический музей", говорил он, "набитый до стропил каменными

топорами, скребками и черепками... не был бы музеем, а был бы складочным местом, или сараем древних вещей, совершенно непригодным для целей научного пользования, так и хаотическое нагромождение механически выбранных из списков вариантов... не будет научным изданием", и именно поэтому издатель древнеславянских текстов ни в коем случае не должен выступать "в роли механического собирателя чернового материала, в роли, так сказать, ученого тряпичника", а должен руководствоваться правилом, что "ценность списку определяет извод, а не значение извода определяется описком"^{11/}. Комиссия также ввела в славистику трактовку редакций текстов кирилло-мефодиевской традиции как "исторических проявлений" последней^{12/} /выступив тем самым против абстрактного понимания этих редакций, позднее особенно ярко проявившегося в изданиях И. Вайса/, выдвинула - как важнейший - тезис о том, что редакции переводов кирилло-мефодиевской традиции должны определяться обязательно через их греческие оригиналы /подчеркнув при этом, что поскольку изданий тех типов греческих текстов, к которым относились оригиналы этих переводов, не существует, невозможно заниматься кирилло-мефодиевской текстологией без самостоятельного изучения истории ряда греческих текстов под углом славистических интересов/, и наконец впервые начала осуществлять весьма плодотворный комплексный подход к изучению текстов, восходящих к Кириллу и Мефодию, путем сочетания формального анализа этих текстов с анализом культурно-исторической обстановки их создания и распространения. Последнее было особенно важным, так как в начале нашего столетия в исследовании кирилло-мефодиевского вопроса сложилось ненормальное положение, при котором изучение исторических свидетельств о просвещении славян оказалось оторванным от изучения древнеславянских рукописей. И. Е. Евсеев подчеркивал, что "в области широкого и всестороннего освещения славянской культуры... сведения филологической науки не могут похвалиться своей обстоятельностью", и указывал, что при изучении

текстов кирилло-мефодиевской традиции нельзя забывать о воздействии "обычных исторических факторов" на характер этих текстов^{13/}. Таким образом, Комиссия стала первым серьезным коллективным противником ягичевской методологии работы с древнеславянскими письменными памятниками и шире - ягичевской концепции сущности славяноведения. Работа Комиссии свидетельствовала, что отечественные славяноведы глубоко осознали ненормальность отсутствия в мировой славистике исследований, которые могли бы "представить окончательное решение вопросов", касающихся текстов кирилло-мефодиевской традиции, или даже хотя бы "поставить во весь рост тот ряд задач, который очерпая бы этот предмет во всем его объеме и значении"^{14/}, что русские ученые открыли для изучающих кирилло-мефодиевское письменное наследие принципиально новый путь. Вот почему представляется, что результаты, достигнутые Комиссией, являются лучшим из того, чем располагает на сегодняшний день теория кирилло-мефодиевской текстологии.

Глава II посвящена развитию славяноведения в Академии наук в 1921-1927 гг. В 1921 г. в число учреждений, тесно связанных с Академией, было включено Петроградское Славянское научное общество. За последующие два года оно себя как научная организация ничем не проявило. Между тем, работающие в Академии слависты не могли не стремиться создать активный славяноведческий центр, который достойно представлял бы отечественную славистику. Поэтому в 1923 г. Отделение русского языка и словесности Академии наук решило закрыть Славянское научное общество и создать Славянскую научную комиссию, целью которой ставилось "изучение славянства в историческом, литературном, этнографическом, языковом и других отношениях"^{15/}.

Славянская комиссия, период особенно интенсивной деятельности которой падает на 1925-1926 гг., являлась представительным научным объединением, в работе которого принимало участие свыше сорока ученых. Фактическое руководство Комиссией осуществлял видный оте-

чественный славист П.А.Давров. На оных заседаниях Комиссия рассматривала широкий круг славистических проблем. Некоторые из них были для отечественного славяноведения принципиально новыми, как, например, проблемы социально-экономической ситуации в молодых славянских государствах. Комиссия обсуждала вопрос о проводившейся в Чехословакии с 1919 г. аграрной реформе и вопрос об этно-экономико-географическом районировании Югославии и национальных взаимоотношениях в Королевстве сербов, хорватов и словенцев /касаясь, однако, в последнем случае по существу лишь взаимоотношений различных языков и культур в этой стране/. Другие проблемы, рассматривавшиеся Комиссией, были для отечественного славяноведения уже в целом традиционными /проблемы средневековой социально-политической и культурной истории славян, истории отдельных славянских литератур, истории межславянских литературных связей/. Так, Комиссия заслушивала и обсуждала доклады и сообщения об источниках изучения боснийского богемильства и состоянии последнего в XV в., об эволюции учения Я.Гуса у его последователей, о сербских, народных женских песнях, о влиянии в XVIII и XIX вв. английской и французской литератур на литературы польскую и сербскую, об "обратном" влиянии древнерусской литературы на литературу южных славян с конца XII в. по начало XVI в., о задачах изучения старославянских рукописей, ставших доступными ученым после революции. Особо следует сказать об обсуждении в Славянской комиссии вопросов, касающихся источников формирования культуры Древней Руси. Именно в Славянской комиссии впервые была в развернутом виде обнаружена предложенная Н.К.Никольским концепция предшествования западнславянского культурного влияния на Русь византийскому и южнославянскому культурному влияниям /нужно отметить, что Н.К.Никольский настоятельно подчеркивал необходимость при изучении древнерусских летописей учитывать идеологическую тенденциозность их создателей, то есть следовать тому методу анализа древнерусских исторических сочинений,

основы которого заложил А.А.Шахматов/. Наконец, Комиссия неоднократно отмечала память видных отечественных и зарубежных славистов и заслушивала обзоры их научной деятельности, внося этим определенный вклад в изучение истории славяноведения.

Значение Комиссии в истории отечественной славистики определяется прежде всего тем, что она, являясь в 1920-е гг. самым представительным советским славистическим учреждением, включала в круг своих занятий изучение не какой-либо одной, а практически всех сторон жизни славянских народов, то есть решало вопрос о предмете своих занятий приблизительно так же, как решает его советское славяноведение на современном этапе своего развития. Таким образом, если Комиссия по научному изданию текстов кирилло-мефодиевской традиции являлась в рамках Академии наук родоначальницей комплексного подхода к изучению отдельных славяноведческих проблем, то Славянская научная комиссия являлась в рамках Академии родоначальницей комплексного подхода к изучению славянства в целом. При этом историческое изучение славянства ставилось Славянской комиссией в программе своей деятельности на первое место, а кроме того руководители Комиссии специально отмечали, что последняя ставит "своей задачей не только изучение прошлого славян, но и ознакомление о современном состоянии славянских народов" и, "по мере сил, знакомит предлагаемыми на заседаниях докладами и о положении славянских земель в настоящее время"^{16/}. Необходимо, однако, отчетливо видеть, что подход Комиссии к таким актуальным проблемам, как, например, социально-экономические проблемы зарубежного славянства в 1920-е гг., не был еще достаточно глубоким и всесторонним, что в методологическом отношении Комиссия работала на домарксистской основе и что руководители Комиссии не делали попыток выделить какие-либо главные направления в ее научной деятельности и организовать коллективную работу ее членов по этим направлениям.

Славянская комиссия была создана вскоре после того, как в жив-

ни славянских народов произошли глубокие изменения, которые не могли не привлекать к себе внимания широких кругов общественности нашей страны. Организация Комиссии явилась, таким образом, в какой-то мере ответом советской славистики 1920-х гг. на общественные запросы своего времени /хотя, разумеется, нельзя говорить, что изучение славянской современности было главным, чем занимались входившие в Комиссию ученые/. Развитие отечественного славяноведения Славянская комиссия не отделяла от восстановления научных контактов с зарубежным славянством, прерванных Мировой войной 1914-1918 гг., и предприняла в этом плане ряд шагов /например, организовала поездку трех своих членов по славянским странам, направила в Чешскую Академию наук и искусств приветствие в связи с юбилеем Ф.Палацкого/.

Несомненно, что при всех своих слабых сторонах деятельность Славянской научной комиссии должна рассматриваться как свидетельство определенного прогресса в развитии отечественного славяноведения в первое послереволюционное десятилетие.

Глава III посвящена созданию новых организационных основ славистики в Академии наук в конце 1920-х гг., когда Академия начала фундаментально перестраивать свою структуру и характер своей деятельности, до этого определявшиеся еще во многом дореволюционным наследием.

Первоначально в процессе проводившейся с 1927 г. организационной перестройки Академии предполагалось старые славяноведческие подразделения сохранить. Но позднее получила перевес наиболее прогрессивная для того времени концепция организации научных исследований на базе специализированных научных институтов. Группа языковедения и литературы Отделения гуманитарных наук Академии предложила создать - путем объединения всех существующих в академической системе славяноведческих подразделений - Институт славяноведения. Однако проект Группы принят не был - по-видимому, вследствие того,

что ни одно из славяноведческих подразделений, на основе которых Группа предлагала создать специальный славяноведческий институт, на марксистскую методологию не перешло. В результате Комиссия по научному изданию текстов кирилло-мефодиевской традиции была переименована в Комиссию по изданию памятников старославянской литературы и присоединена к Комиссии по древнерусской литературе, Славянская научная комиссия была упразднена, а Институт славяноведения был создан на основе другого проекта, разработанного Н.С.Державиным, причем согласно этому последнему проекту Институт должен был представлять собой научное учреждение, работающее — в отличие от прежних славяноведческих учреждений Академии наук — "на совершенно иных началах"^{17/}.

То, что автором принятого проекта создания Института славяноведения был именно Н.С.Державин, случайностью не являлось. Н.С.Державин к началу 1930-х гг. уже зарекомендовал себя и как один из ведущих отечественных славистов, и как организатор советской науки и советской вышней школы. Сыграло свою роль и то обстоятельство, что Н.С.Державин защищал и пропагандировал особенно активизировавшуюся в те годы яфетическую теорию, которая пользовалась поддержкой со стороны руководства Академии наук. Нельзя, однако, не указать здесь, что Н.С.Державин примыкал к яфетологам не из конъюнктурных соображений, а в силу собственных методологических установок, сложившихся у него еще до революции и сходных с методологическими установками Н.Я.Марра и его последователей. При этом следует подчеркнуть, что как и ряд теоретических положений Н.Я.Марра, некоторые из концепций Н.С.Державина имели стимулирующее значение для ломки междисциплинарных барьеров в науках об обществе /например, исходная концепция Н.С.Державина, сводящаяся к тому, что основной предпосылкой к изучению языка является "живая народная жизнь во всем объеме своих выявлений в формах морального и материального быта"^{18/}.

Задачей Института славяноведения, согласно проекту Н.С.Державина,

ставилось основанное на материалистической методологии изучение истории, экономики, языка, литературы и быта славянских народов зарубежной Европы и СССР /кроме русских/ и народов, исторически тесно связанных со славянами /греков, албанцев, румын и т.д./. Таким образом, речь шла фактически о создании в рамках Академии наук научного учреждения, комплексно занимающегося проблемами славяноведения и балканистики.

Глава IV посвящена деятельности начавшего свою работу 22 сентября 1931 г. Института славяноведения Академии наук СССР. Согласно своему первому производственному плану, Институт /состоявший из трех секторов - истории и экономики, языков и литературы, этнографии и фольклора/ должен был заниматься главным образом проблемами славянства в эпоху промышленного капитализма и империализма. Особое внимание в Институте должно было уделяться изучению славянских и смежных с ними национальных меньшинств СССР. Кроме того, предусматривалось, что Институт будет вести активную борьбу с "современным славянофильством и панславизмом" как неприемлимыми для советских славистов идейными течениями^{19/}. Директором Института стал Н.С.Державин.

Основные методологические установки Института были определены в докладе "От филологического формализма к марксистско-ленинской методологии в славяноведении", прочитанном Н.С.Державиным 16 ноября 1931 г. на торжественном заседании, которым Институт ознаменовал начало своей работы. Н.С.Державин заявил в этом докладе, что весь предшествующий период развития отечественной славистики был периодом господства в этой науке "филологического формализма и метафизики", поскольку у отечественных славистов прошлого работа со славянскими письменными памятниками была "лишена обычно какого бы то ни было намека на общественность, на живую социальную действительность, ... на борьбу классов". Указав, что И.В.Ягич /"вождь и вдохновитель нашей науки на последнем этапе ее развития"/ со-

значительно ограничивая славяноведение изучением языка, литературы и народных верований славянских народов, Н.С.Державин подчеркивал: "Мы прежде всего будем говорить... не о славянской филологии, а о славяноведении; нас интересует, в первую очередь, не языковая и литературный памятник древности, а живая, рождающаяся в муках напряженной классовой борьбы во всем мире новая жизнь и ее отражения; ... Мы включаем в круг своих изучений не только язык, литературу, народное творчество и народный быт, но также и общественность в широком смысле этого слова, т.е. историю классовой борьбы и экономику". Кроме того, Н.С.Державин подчеркнул отрицательное отношение Института "ко всяким попыткам отмежевать "славянский мир" в какую-то особую, замкнутую в себе культурно-историческую единицу, имеющую какие-то специфические задачи в общей семье народов мира"^{20/}

Понимание предмета своих занятий в Институте было значительно шире, чем в Славянской научной комиссии. Во-первых, Институт, в отличие от Комиссии, занимался не только изучением зарубежных славянских народов, но и украинноведением и белоруссоведением. Во-вторых, Институт занимался также изучением ряда неславянских народов. Поэтому, хотя Институт получил традиционное название "славяноведческого", он в отборе подлежащих разработке тем придерживался не "этнического", а "регионального" принципа, и поэтому, в соответствии с проектом, явился первым в отечественной науке учреждением, комплексно изучавшим народы Центральной и Юго-Восточной Европы, а также украинцев, белоруссов и славянскую и балканскую эмиграцию.

Подчеркивая "противостояние" Института предшествующей отечественной славистике, Н.С.Державин говорил, что "Институту пришлось заново строить всю свою работу, не имея в прошлом опыта или, вернее, имея отрицательный опыт"^{21/}. Но на деле Институт вовсе не отбрасывал традиции отечественного славяноведения дореволюционного периода и первого послереволюционного десятилетия. Более того, некоторые принципиальные установки Института /например, его антиги-

чевская позиция в вопросе о сущности славяноведения/ в действительности продолжали линию определенной части отечественных славистов прошлого. Институт охранил и кадровую преемственность по отношению к предыдущему периоду развития отечественной славистики.

Работать Институту пришлось в весьма сложных условиях. При открытии ему не предоставили собственного помещения, он не смог укомплектовать собственную библиотеку, получать достаточную информацию о научной жизни в славянских и балканских странах и новую литературу из этих стран. Институт испытывал большие кадровые трудности, не смог развернуть достаточно широко подготовку аспирантов по славяноведению.

Поскольку Институт принял на себя разработку очень широкого круга вопросов и с самого начала было ясно, что опираясь только на очень ограниченный собственный штат выполнить намеченную программу Институт не сможет, постольку к сотрудничеству с Институтом с самого же начала активно привлекались те специалисты, которые признавали его методологические установки.

Главное внимание в Институте уделялось, прежде всего, проблемам истории славянских народов в эпоху капитализма и империализма. Важность для Института этих проблем была подчеркнута вынесением на торжественное заседание 16 ноября 1931 г. наряду с докладом Н.С.Державина "От филологического формализма к марксистско-ленинской методологии в славяноведении" двух докладов на тему "Октябрь и славянство".

В страноведческом отношении в работе Института первое место занимала Польша. На заседаниях Института обсуждались проблемы истории восстановления независимости Польши, вопросы ее экономического развития во второй половине XIX в. и в начале 1930-х гг., методологические установки польских историков, которыми они руководствовались при изучении истории "либерум вето" и разделов Речи Посполитой. Ряд сообщений и докладов касался проблем, с которыми стал-

квалилось в 1920-е - 1930-е гг. южнославянские страны: проблемы "интегральной Югославии", македонской проблемы, проблемы сербохорватских противоречий /причем высказывалось мнение, что эти противоречия могут быть разрешены путем "объединения оводбных политически южнославянских народов на началах Федерации и кооперирования"²²/. Институт касался также проблем истории национального движения в Австро-Венгрии во время войны 1914-1918 гг., истории иллиризма, истории болгарского революционного движения в 1860-е гг. Рассматривая все эти проблемы, Институт постоянно пытался найти новый методологический подход к их решению.

Широко представлено было в Институте изучение истории зарубежных славянских литератур, причем почти исключительно нового и новейшего времени. Проблемы славянских литератур рассматривались сотрудниками Института с активным использованием приемов "социологического анализа" художественных произведений и художественных образов. В Институте обсуждались доклады и сообщения, посвященные В.Реймонту, А.Мицкевичу, С.Михайловскому, А.Константинову, Х.Ботеву и другим славянским писателям и поэтам, рассматривались некоторые работы зарубежных славянских литературоведов.

Институтом также рассматривались отдельные моменты истории культуры и общественной мысли зарубежных славянских народов /деятельность Сербской Матицы, богослужение у обстригов/, истории культурных связей России с остальным славянством, истории русских неправительственных учреждений, занимавшихся установлением и поддержанием русско-славянских связей /в частности, история славянских благотворительных комитетов и обществ в России, которые оценивались при этом как организации сугубо верхушечно-классовые и как проводники идеологии, по существу чуждой и широким народным массам славянского юга, и широким массам русского народа/.

Выдающимся неординаром И.И.Соколовым была начата в Институте разработка проблем новогреческой истории /деятельность Р.Ферраро

и А.Коранова, социальные предпосылки греческой революции 1821 г./.

Языковедческих докладов и сообщений в Институте делалось немного. Из них нужно отметить доклады о происхождении старославянского языка и о русских топонимах предполагаемого скандинавского происхождения. В обоих этих докладах затрагивались важные теоретические вопросы /например, вопрос о социальной обусловленности языковых особенностей оригиналов и копий текстов кирилло-мефодиевской традиции, вопрос о комплексном использовании лингвистических и археологических данных при решении варяжского вопроса/. Институт предполагал также продолжить начатую ранее в Академии наук работу по подготовке к переизданию средне- и новогреческого словаря Ш.Джанжа.

В соответствии с планами Института, его сотрудники активно занимались изучением "славяноских и смежных с ними национальных меньшинств Советского Союза"^{23/}. В Институте заслушивались доклады и сообщения, посвященные чехам, полякам, болгарам и грекам в России и в СССР. Институт занимался актуальной для греческого населения СССР в начале 1930-х годов проблемой создания понтийского литературного языка. Целый ряд докладов и сообщений, прочитанных в Институте, был посвящен старе- и новоукраинской литературе. Институт также приступил к изучению молдавской советской литературы.

Интенсивно работали сотрудники Института /и прежде всего В.Н.Кораблев/ над изучением вопросов истории отечественного и мирового славяноведения, причем историю славистики отремилась рассматривать в Институте как теснейшим образом связанную с общественно-политической историей. На заседаниях Института были заслушаны доклады и сообщения об А.Ф.Гидьфардинге, В.Ганке, П.И.Прейсе, В.Богшиче, Л.Штуре, И.В.Ягиче, В.И.Ламанском, Л.Милетиче, А.И.Ляшенко, М.М.Мурко, Э.Ю.Муне, С.Добшицом, о зарубежных славяноведческих учреждениях, о методологии зарубежных славистических исследований.

Следует упомянуть о попытках Института наладить сотрудничество

о редакцией Большой советской энциклопедии для того, чтобы в советских энциклопедиях появлялись более качественные славяноведческие и неославяноведческие статьи, чем те, которые были опубликованы в первом издании БСЭ. Институт также пытался наладить связи с рядом советских научно-исследовательских учреждений и учебных заведений, с болгарскими и польскими научными и общественными организациями в СССР, с научными учреждениями в Чехословакии, Югославии /Хорватии/, Болгарии, Греции.

Чтобы оценить значение Института в истории отечественного славяноведения и балканистики, нужно учесть прежде всего то, что при рассмотрении как тех проблем, которые уже разрабатывала предшественница Института в Академии наук — Славянская научная комиссия, так и проблем, впервые поставленных перед отечественной славистикой только Институтом, последний занимал принципиально новые методологические позиции. Затем следует учесть, что на принципиально новой методологической основе Институт продолжил начатый еще предшествующими славистическими подразделениями Академии наук отход от урезанного понимания славяноведения. Институт расширил фактографическую базу отечественной славистики, предложил принципиально новое осмысление многих уже известных науке фактов. Преимущественное внимание Институт уделял актуальным общественно-политическим и экономическим темам.

Необходимо вместе с тем отметить и отрицательные моменты в деятельности Института /односторонность его стремления объяснять все без исключения явления и события в жизни славяноства только непосредственным действием социально-экономического фактора, неумение увидеть в методологическом наследии отечественной славистики ничего, кроме "филологического формализма", замалчивание конкретных достижений славистов прошлого/. Необходимо также учитывать, что в условиях сознательно удерживавшейся "многопрофильности" при крайней ограниченности своего кадрового состава и источниковой базы, Институт не смог глубоко разработать ни одну из фундамен-

тальных славяноведческих проблем. Все это, однако, не перечеркивает серьезных заслуг Института перед отечественной наукой о славянских и балканских народах.

Институт был закрыт в 1934 г. Повидимому, это связано прежде всего с реорганизацией в Академии наук исторических исследований и созданием в ней Исторической комиссии. Нельзя, разумеется, забывать и об имевшей место в нашей стране в 1930-е гг. недооценке славяноведения, оказывавшей влияние на нашу научную общественность.

В конце 1930-х гг. в отношении к славистическим исследованиям наметились существенные сдвиги. В 1939 г. в Институте истории Академии наук создается сектор славяноведения, а в августе 1942 г. принимается решение об организации вновь Института славяноведения, причем в качестве первого шага на пути организации этого Института воссоздается Славянская комиссия, которая развернула свою деятельность в январе 1943 г. Завершенная в 1947 г. организация вновь Института славяноведения ознаменовала начало качественно нового этапа развития советской славистики, но не следует забывать, что целый ряд проблем, работа над которыми разворачивалась в послевоенном Институте в 1947-1957 гг., был намечен еще в программе работ Института довоенного.

В заключении диссертации дается изложение тех результатов, к которым удалось прийти на основе неизвестных ранее данных о деятельности славистических учреждений Академии наук в 1917-1934 гг.

Неизвестные ранее материалы позволяют обоснованно отказаться от точки зрения на преимущественно "филологический" характер работы отечественных славистов в первые два десятилетия советской власти, а также показывают, что комплексное понимание предмета славистики в нынешнем Институте славяноведения и балканистики Академии наук СССР соответствует традициям, которые сложились в 1920-е - 1930-е гг.

Анализ собранного и изученного материала, освещающего историю

славистики в Академии наук за 1917-1934 гг., открывает возможность для того, чтобы предложить следующую периодизацию истории академического советского славяноведения до начала 1940-х гг.:

1/ 1917 г. - начало 1920-х гг. Славяноведение развивается в Академии наук крайне медленно. В общеметодологическом отношении славяноведческие исследования продолжают вести так же, как они велись до революции, работающие в Академии слависты практически не уделяют внимания проблемам славянства нового и новейшего времени. Вместе с тем организационная база славистики в Академии наук расширяется за счет присоединения к Академии иввне Комиссии по научному изданию текстов кирилло-мефодиевской традиции. Комиссия, став первой собственно славяноведческой ячейкой в Академии, приносит с собой новый подход к древнеславянским письменным памятникам и более широкое, чем у И.В.Ягича, понимание предмета славяноведения, подчеркивая при этом общеславянский характер своей проблематики.

2/ Начало 1920-х - начало 1930-х гг. Славистика развивается в Академии более интенсивно. Академические славяноведческие исследования до конца 1920-х гг. ведутся на прежних общеметодологических основах, однако при определении тематики этих исследований начинает уделяться заметное внимание проблемам славянства нового и новейшего времени. Организационная база славяноведения в Академии наук еще более усиливается благодаря созданию Славянской научной комиссии. Антиягичевский подход к древнеславянским письменным памятникам продолжает в Академии сохраняться, понимание предмета славистики расширяется путем включения в этот предмет исторической проблематики. Славяноведение в Академии наук развивается в почти полной изоляции от других линий развития советской славистики, выявившейся в начале 1920-х гг. В конце 1920-х гг. в связи с общей перестройкой Академии наук впервые ставятся вопросы о переводе всех славяноведческих исследований в Академию наук.

скую общеметодологическую основу и о радикальной перестройке организационной базы академического славяноведения. В результате существовавшие до сих пор славяноведческие подразделения Академии управляют или сливаются с другими, а вместо них создается Институт славяноведения.

3/ Начало 1930-х - конец 1930-х гг. Институт славяноведения Академии наук СССР ведет все свои исследования на марксистской общеметодологической основе /хотя при этом марксизм нередко вульгаризируется/, в тематике работ Института ведущее место занимает проблема славянства нового и новейшего времени. Крайние формы принимает реакция на ягичевский подход к древнеславянским письменным памятникам и ягичевское понимание предмета славистики. Последнее в Институте предельно расширяется - не только дисциплинарно, но и "регионально" - путем включения в этот предмет наряду с народами Центральной и Юго-Восточной Европы также и народов Советского Союза, причем изучению проживающих в СССР автохтонных славяноязычных /кроме русского/, генетически зарубежных славяноязычных и генетически неславяноязычных балканских народов Институт уделяет большое внимание. В качестве своих основных задач Институт ставит участие в национально-культурном строительстве в СССР и идейную борьбу с зарубежным буржуазным славяноведением. От исследования общеславянских проблем Институт отказывается по принципиальным соображениям /ввиду отказа от концепций культурно-исторических миров/. Институт предпринимает попытку объединить и поставить под свой контроль все слабо связанные ранее друг с другом линии развития советской славистики, выявившиеся в начале 1920-х гг. После закрытия Института славяноведения в 1934 г., в условиях отсутствия в Академии наук славяноведческих подразделений, академические слависты продолжают вести исследования по отдельным темам, разработка которых была начата в этом Институте.

4/ С конца 1930-х гг. постепенно начинается новый подъем советского славяноведения в условиях осложнения международной обстанов-

ни, вызванного подготовкой и развязыванием Второй мировой войны. В Академии наук вновь появляются славяноведческие подразделения. Общепарадигматической основой исследований, ведущихся в них, является марксизм, тематика этих исследований охватывает проблемы только зарубежного славянства. При этом Академия вновь включает в программу своих работ проблемы общеславянские.

Следует указать, что предложенная выше периодизация может послужить отправной точкой для создания периодизации истории советского славяноведения в целом /в создании такой периодизации историография отечественной славистики сейчас несомненно нуждается/.

В свете приводимых в диссертации фактов представляется необходимым внести много уточнений более частного порядка по советскому периоду истории отечественного славяноведения и по истории разработки отдельных славяноведческих и балканистических проблем в России в начале XX в. Так, первые исследования по истории дореволюционного отечественного славяноведения в контексте общественно-политической истории России следует относить теперь к 1930-м гг.; к этому же времени следует относить первые советские неэтнографические исследования. Могут быть предложены дополнения к историографии гуситства. Нужно также для ряда славяноведов, работавших в славяноведческих подразделениях Академии наук, существенно дополнить или даже изменить даваемые в литературе характеристики их научной деятельности.

Приведенный в диссертации материал показывает, что в послевоенной славяноведческой литературе по тем же проблемам, которые разрабатывались и в славяноведческих подразделениях Академии наук в 1920-е - 1930-е гг., зачастую не учитываются итоги деятельности этих подразделений, имеющие в ряде случаев очень большое значение, особенно когда речь идет о методологии славяноведческих исследований. Так, современные специалисты, занимающиеся кирилло-мефодиевской проблематикой, указывают как на обращение к работам Г.А. Воскре-

оенского и А.В.Михайлова. Между тем, и в Комиссии по научному изданию текстов кирилло-мефодиевской традиции, и в Славянской научной комиссии, и в Институте славяноведения 1931-1934 гг. с самых различных позиций было убедительно показано, что методология работы с древнеславянскими рукописями, на основе которой были созданы эти и подобные этим работы, является устарелой, неудовлетворительной и не отвечающей общим тенденциям развития славистики.

Таким образом, основываясь на неизвестных ранее данных, можно утверждать, что в истории отечественной науки о славянстве особенно короткий период с 1917 г. до конца 1930-х гг. /период, значительная часть которого до сих пор оставалась "белым пятном" в славянистической историографии/ является весьма важным и интересным. Многие конкретные итоги научной деятельности славяноведческих подразделений, работавших в Академии наук до 1934 г., должны быть в полной мере использованы и для максимально объективной оценки нынешнего состояния исследований по тем или иным славяноведческим проблемам, и при планировании работы наших славяноведов на будущее, а также должны найти отражение в лекционных курсах и семинарских занятиях по истории южных и западных славян, по истории славянских литератур и по славянскому языкознанию. Все это определяет с одной стороны новизну проведенных диссертантом исследований, а с другой стороны их практическое значение.

Примечания

- 1/ Славяноведение в дореволюционной России. Биобиблиографический словарь. Москва, 1979.
- 2/ Комплексные проблемы истории и культуры народов Центральной и Юго-Восточной Европы. Итоги и перспективы исследований. Москва, 1979, с. 226.
- 3/ И.М.Белявская. Советское славяноведение за 50 лет /в "Советское славяноведение. Материалы IV конференции историков-славистов /Минск 31 января - 3 февраля 1968 г./". Минск, 1969", с. 10-

- 22/; С.Б.Бернштейн. Советской славяноской филологии 50 лет /в "Советское славяноведение. 1967, 5", с. 77-83/; Н.С.Державин. Вклад русского народа в мировую науку в области славянской филологии /в "Московский ордена Ленина государственный университет имени М.В.Ломоносова. Ученые записки. Выпуск от седьмой /Роль русской науки в развитии мировой науки и культуры. Том III. Книга вторая/ Москва, 1946", с. 3-24/; Н.А.Мещерокий, П.А.Дмитриев. Русское и славянское языкознание в Петербургском-Ленинградском университете за 150 лет /1819-1969/ /в "Вестник Ленинградского университета. 1962. 2 /История, язык, литература/. Выпуск I", с. 80-91/; В.И.Зяиднев. Изучение зарубежных славянских литератур в Советском Союзе /1917-1967 гг./ /в "Советское славяноведение. 1967, 5", с. 53-66/; Н.А.Кондрашов. Изучение западнославянских языков в России и в СССР /в "Вопросы славянского языкознания. Выпуск 2. Москва, 1957", с. 153-174/; В.Д.Корольк. Советские историко-славянские исследования /1917-1967 гг./ /в "Советское славяноведение. 1967, 5", с. 37-52/; А.И.Митряев. Изучение в украинской советской историографии средневековой истории зарубежных славян /1917-1967/ /в "Славянская историография и археография. Москва, 1969", с. 3-27/; В.И.Пичета, У.А.Шустер. Славяноведение в СССР за 25 лет /в "Двадцать пять лет исторической науки в СССР. Москва-Ленинград, 1942", с. 222-235/; А.С.Шофман. Изучение истории и культуры южных славян в Казанском университете /в "Казанский ордена Трудового Красного Знамени государственный университет имени В.И.Ульянова-Ленина. Ученые записки. Том 122. Книга 5 /Вопросы славяноведения/. 1962", с. 3-14/.
- 4/ Н.Я.Марр. Яфетическая теория. Программа общего курса учения об языке. Баку, 1927 /1928/, с. 17,
- 5/ Г.А.Ильинский. Что такое славянская филология? /в "Ученые записки Государственного Саратовского имени Н.Г.Чернышевского

- университета. Том I. Выпуск 3. Саратов, 1923"/, с. 134.
- 6/ К.Я.Грот. Об изучении славянства. С.-Петербург, 1901, с. 49.
- 7/ Там же, с. 53.
- 8/ Г.А.Ильинский. Что такое славянокая филология?, с. 135.
- 9/ П.Ф.Пресобраменский. Этнография /в "Общественные науки СССР. 1917-1927. Сборник под редакцией В.П.Волгина, Г.О.Гордона, И.К.Дупшода. Москва, 1928"/, с. 87.
- 10/ И.Е.Евсеев. Записка о научном издании славянского перевода Библии и проект означенного издания. С.-Петербург, 1912, с. 4, 15.
- 11/ ЛО ААН, ф. 109, оп. 2, д. 3, л. 69, 71, 75.
- 12/ ЛО ААН, ф. 109, оп. 2, д. 1, л. 2.
- 13/ И.Е.Евсеев. Речь при открытии Комиссии по научному изданию славянской Библии. Петроград, 1916, с. 6; И.Е.Евсеев. Рукописное предание славянской Библии. С.-Петербург, 1911, с. 21-22.
- 14/ И.Е.Евсеев. Рукописное предание..., с. 2.
- 15/ ЛО ААН, ф. 1, оп. 1а, д. 172, РЯО § 109.
- 16/ ЛО ААН, ф. 9, оп. 1, д. 1150, л. 18.
- 17/ А.С.Орлов. Воссозанная Академия Наук за 16 лет /в "Вестник Академии наук СССР, 1932, II"/, отд. 12.
- 18/ Н.С.Державин. Ответ моему рецензенту /в "Известия Отделения русского языка и словесности Российской Академии Наук 1918 г. Том XXIII, кн. 2. Петроград, 1921"/, с. 63.
- 19/ ЛО ААН, ф. 220, оп. 1, д. 1, л. 167.
- 20/ Н.С.Державин. Наши задачи в области славяноведения /в "Труды Института славяноведения Академии наук СССР. I. Ленинград, 1932", с. 1-14/.
- 21/ ЛО ААН, ф. 220, оп. 1, д. 1, л. 85.
- 22/ В.Н.Кораблев. Степан Радич и сербо-хорватский вопрос /По личным воспоминаниям/ /в "Труды Института славяноведения Академии наук СССР. I. Ленинград, 1932", с. 141-156/.

23/ ЛО ААН, ф. 220, оп. I, д. I, л. I67.

Основное содержание диссертации отражено в следующих статьях:
Отечественная кирилло-мефодиевская текстология в 1910-1920-е годы
/Из истории русской олавистики/ /в "Советское славяноведение.
1977, 4", с. 66-80/.
Советское славяноведение до середины 1930-х годов /в "Советское
славяноведение. 1978, 5", с. 91-103/.

